

**ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В КОМЕДИЯХ АРИСТОФАНА:
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА И ВООБРАЖАЕМЫЙ РЕАЛИЗМ**

В статье рассматриваются «женские» комедии Аристофана в плане реконструкции реального взаимоотношения полов в древней Греции в конце классической эпохи. Показано, что кризис полисной системы был связан, в том числе, и с изменением гендерных стереотипов и появлением нового женского дискурса. Сделан вывод о том, познавательная компетенция историка во многом доказывает «неисчерпаемость» традиционных исторических источников.

Ключевые слова: Аристофан, гендер, греческая женщина, древнегреческая комедия, исторические источники.

Так уж сложилось, что эпистемологический смысл исторического источника, чаще всего, принимается как данность. О познавательной сущности источника источниковедение говорит очень мало [2, с. 236]. За этим скрываются две исследовательские позиции: либо полагание, что познавательная сущность источника – всем известный факт, либо [*что случается гораздо чаще – Ю. О.*], принятие удобного для исследователя ее понимания.

Как показала практика, проблема истины исторического источника не была решена ни эвристикой, ни герменевтикой, и была перенесена на уровень наррации, конструирования прошлой реальности. Это позволило отойти от анализа уже критически отобранного набора фактов для познания исторической реальности, ныне не существующей, и создать конструкцию, в которой образ прошлого согласован с тем реальным порядком элементов, с помощью которого воссоздается реальность прошлого.

С позиций современного источниковедения любой источник имеет две стороны – объективную и субъективную. Объективная сторона свидетельствует о том, что и автор, и его произведение – продукт определенной эпохи. Субъективная же сторона говорит о том, что произведение пишется автором в соответствии с его мировосприятием и мировоззрением. Обе стороны присутствуют и в комедиях Аристофана. В них мы находим не только упоминание реальных исторических деятелей и событий, но и достаточно точное отражение быта той эпохи. Мы решили рассмотреть так называемые «женские» комедии Аристофана как с целью обозначить источниковедческую перспективу данных комедий, так и показать условность исторических реалий, традиционно предписываемых произведениям великого комедиографа.

Аристофан написал три «женские» комедии. «Лисистрата» была поставлена в 413 г. до н. э., «Женщины на празднике Фесмофорий» – в Великие Дионисии 411 г. до н. э., то есть почти два года спустя после «Лисистраты». «Экклесiazусы», или «Женщины в народном собрании» были поставлены в 392 г. до н. э. на Линеях.

Следует напомнить, что конец V – начало IV вв. до н. э. – это переломное время в истории древней Греции. В 404 году до н. э. заканчивается Пелопонесская война,

которая серьезным образом повлияла на процессы, происходящие в разных сферах жизни греческого социума, отразилась на взаимоотношениях граждан внутри полисного коллектива, изменила мировоззренческие устои индивида. В итоге все эти явления приводят к кризису полисной системы, истоки которого нашли непосредственное отражение в комедиях Аристофана.

То, что в расцвете своей творческой деятельности Аристофан начал писать «женские» комедии, к которым относятся «Лисистрата», «Фесмофоризасы» («Женщины на празднике Фесмофорий») и «Экклесiazасы» («Женщины в народном собрании»), сейчас уже исследователями воспринимается почти как данность. Однако еще в начале XX века представители социально-экономического направления в историографии усматривали в этом едва ли не признаки движения в сторону эмансипации женщин в Афинах в конце V – начале IV в. до н. э.¹ Справедливости ради следует отметить, что в то же время появляется и прямо противоположная точка зрения, которую всячески отстаивал С. И. Соболевский [7, с. 270–272]. Но в любом случае «женские комедии» Аристофана наглядно демонстрируют различные кризисные моменты, среди которых – изменения в положении женщины в афинском социуме конца V – начала IV вв. до н. э.

Комедии Аристофана отражают не только наметившийся кризис греческого общества, но и кризис социальных стереотипов в гендерном контексте, то есть усложняется ранее упрощенное представление о типах мужчин и женщин. У Аристофана традиционная гендерная схема – стереотип восприятия человека по принципу пола – начинает давать сбой.

В комедиях мы видим, что афинянки уже не молчат в присутствии мужчин, как того требовал патриархальный дискурс, а требуют новаций не только в личной (сексуальной) жизни, но и в общественной. То есть появляется стремление удовлетворить свои личные потребности и амбиции, что ранее было практически недостижимо в рамках полисной идеологии [6, с. 116]. При этом мы не можем рассматривать данное положение как случайность, поскольку в композиционном отношении «Лисистрата», например, представляет собой наиболее стройное произведение Аристофана [8, с. 960–1032].

Программа преобразований, которую выдвигает Лисистрата, не только свидетельствует о сломе патриархальных стереотипов, но и о разрушении полисных стереотипов. Изменение содержания в действии субъекта стало возможным в результате изменения формы, в рамках которой действует данный субъект.

Для подтверждения высказанных положений, обратимся к текстам комедий.

Аристофана называют представителем общественного так называемого «традиционного» женоненавистничества, что достаточно наглядно иллюстрируют следующие его слова:

Зверя нет сильнее женщин
Ни на море, ни в лесу
И огонь не так ужасен,
И не так бесстыдна рысь.

(Лисистрата, 368–369)

¹ В частности, об этом писал В. П. Бузескул в своих «Исторических этюдах». См.: Бузескул В. П. Женский вопрос в древней Греции // Бузескул В. П. Исторические этюды. СПб., 1911. С. 38–70.

В то же время, в «Лисистрате» мы видим наметившуюся борьбу двух гендерных конструкций. Выразительницей патриархальной гендерной конструкции является Клеоника, а новой – Лисистрата.

Клеоника: Из дома трудно выйти женщине,
Одна о муже хлопоча, забегалась,
Той – слуг не добудиться, эта – нянчиться
С ребенком, та – стирает. У другой – квашня.

(Лис., 16–19, пер. А. Пиотровского)

Согласно мнению Ж. Дерриды, через анализ текстов и речевых оборотов обнажается бессознательное, в нашем случае – патриархальная гендерная схема. При этом парадокс заключается в том, что речевые обороты, т. е. семантика текста, отражают традиционную патриархальную гендерную схему, а сам текст (смысловое содержание, структура фраз) свидетельствует о том, что дискурс меняется. Особо интересен тот момент, что, несмотря на бессознательную попытку воспроизводства традиционных гендерных схем, стереотип восприятия человека по принципу пола деформируется. И это изменение происходит в сугубо сознательной сфере. Попробуем пояснить это положение.

Поскольку женщина традиционно ассоциируется с приватной сферой жизни общества, и древняя Греция не являлась здесь исключением, то написание Аристофаном «женских комедий» можно рассматривать как его попытку начать дискуссию о роли и месте женщины в древнегреческом полисе. Проблемы войны и мира, а также осмеяние Еврипида, которые многие исследователи выдвигают на первое место в «женских комедиях» Аристофана¹, поднимались Аристофаном и раньше, причем для этого специальных комедий на женскую тематику ему писать не требовалось. Все его творчество было пронизано данными идеями. Поэтому главная задача, которая ставится Аристофаном в «женских» комедиях, – проблема взаимоотношения полов, которая до сегодняшнего дня является столь же актуальной, как и проблема полиса.

Мы не будем здесь подробно останавливаться на концепте так называемой «греческой любви», о которой уже много было сказано и древними, и современными авторами². Упомянем лишь тот факт, что одной из причин распространения греческой педерастии называют условия и факторы формирования полисной системы. То есть традиции данного рода взаимоотношений были укорены в самой полисной системе. А поскольку Аристофан пишет свои «женские комедии» в период, когда кризис полиса уже давал о себе знать практически во всех сферах жизни античного социума, то и проблема взаимоотношения полов, и в сексуальном плане в том числе, выходит на первый план.

Подтверждает это и вокабуляр Аристофана. Как отмечает П. Брюле [1, с. 35], для описания сексуальной привлекательности мужчин и отношений между ними Аристофан употребляет совершенно иные глаголы, нежели для описания женщины

¹ См., например, точку зрения Скворцова А. М., Любчанского И. Э.: Скворцов А. М., Любчанский И. Э. Комедии Аристофана о тенденции изменения положения женщины в Афинах конца V – начала IV в. до н. э. // Адам и Ева. № 14. М., 2007. С. 120.

² Классическим трудом в данной области является: Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции / пер. с англ. В. В. Федорина. М., 1995.

и ее чувств. Мужчины обладают человеческими чувствами, они – *любят* (глагол *philein* – любить). Женщины же ставятся на одну плоскость с животными (глагол *anathian*, одно из значений которого – пылкость свиньи). Множество эпитетов Аристофан производит от существительного «свинья» (*kaprios* – кабан; *kapria* – матка свиньи, *karaitē* – «находиться во время гона, течки»), женщина часто называется просто *kapraō* – «свинья», что в греческой поэзии равносильно развратнице [4, с. 117–124].

В комедиях Аристофана свиньей женщина называется довольно часто, обычно это пожилая женщина, причем справедливости ради стоит отметить, что это выражение использовали многие авторы, не только Аристофан. Термины «старуха», «блудница» выражают в поэзии негативное отношение к женщине. Негативная окраска усиливается при описании гетеросексуальных отношений: молодой юноша в комедии «Женщины в народном собрании» вынужден практически круглосуточно заниматься любовью со старухой:

Вот крепко присосалась старуха к юноше
Как к камню устрица.

(Женщины в народном собрании, 1098–1099)

Здесь также вырисовывается еще одна проблема, которая ранее никогда не появлялась на поверхности, и она поражает своей масштабностью – это отношение молодых к пожилым, что выражается постоянными ругательствами молодых женщин по отношению к старухам: «гнилушка», «гроб в известке, труп в румянах», «чахотка тощая», «гнилое решето» и т. д. При этом обращается автор не к какой-то конкретной женщине, это собирательный образ, что свидетельствует о том, что такая ситуация типична для афинского общества. Но, кроме того, это свидетельствует и о возросшем влиянии женщин, ибо все эти слова говорятя женскими устами. Оставив за рамками моральность и нравственность данных высказываний, можно констатировать, что в женской среде наметился не только прогресс самосознания, но и зачатки конкуренции по отношению к мужчинам. Что немислимо в рамках патриархальной гендерной традиции.

Еще один момент. Вокабуляр Аристофана явно отражает насилие в гетеросексуальных отношениях. Настораживают многие глаголы, которые Аристофан употребляет, описывая взаимоотношения мужчин и женщин. Вот только некоторые из них: таранить, давить, грызть, нападать, бить, ворошить, дробить, разворотить, бороться. У Аристофана так говорят даже женщины. Также Аристофан использует много глаголов, означающих «овладевать» или «применять силу, чтобы овладеть».

Слово «бить» и вовсе используется практически регулярно. Некоторые сцены наглядно иллюстрируют, что насилие содержится в самой идее отношений между мужчиной и женщиной. Стереотипная гендерная схема уподобляет женщину рабыне. А рабы, согласно той же полисной идеологии, требуют физических наказаний [1, с. 37].

Еще один любопытный факт. Область гомосексуальных и гетеросексуальных отношений для греков лежит в разных семантических плоскостях. Они выражаются совершенно разными терминами. Отношения между мужчинами лежат в сфере морской тематики, связанной с развитыми в социально-экономическом и политическом отношениях торгово-ремесленными полисами. Отношения же

между мужчиной и женщиной – в области сельскохозяйственных отношений, связанных с традиционными культами плодородия. Стоит подчеркнуть, что сельскохозяйственные полисы были более отсталыми в цивилизационном плане. Но, несмотря на это, появляются определенные мужские фантазии в отношении женщин, которые также свидетельствуют о серьезных изменениях в ментальной сфере.

В частности, по словам Лисистраты, война – это катастрофа, забирающая мужчин у женщин. Не только мужчин-мужей, но и мужчин-любовников. Женщины становятся фактором возбуждения, а женское слово – зачинщиком беспорядка.

Мужские фантазии проявляются и в описании женщин, их нарядов, их физических достоинств. Вот какое описание женских нарядов вкладывает Аристофан в уста Клеоники:

Но что же сделать можем мы разумного
И славного, мы, женщины, нарядницы,
В шафрановых платочках, привередницы,
В оборках кимберийских¹, в полутуфельках.

(Лис., 42–45).

Ей вторит Лисистрата:

Лисистрата: Когда сидеть мы будем надушенные,
В коротеньких рубашечках в прошивочку.

(Лис., 148–149).

Но Аристофан идет дальше и фантазирует не только по поводу нарядов, но и телесной красоты женщин, произведя фактически революционные перемены в мужском самосознании, ибо ранее красоту замечали исключительно у мужчин. Лисистрата восклицает:

Почтеннейшей спартанке, Лампито, привет!
Какой красою блещешь ты, любезная!
Румяна как и телом ты упитана!

(Лис., 77–79).

Ее слова подхватывает Клеоника:

А что за груди! Твердые и круглые!

(Лис., 83–84).

Инициатива женщин в плане гетеросексуальных отношений становится притягательной и для самих мужчин. Мужественность (пусть пока в физиологическом, сексуальном плане) впервые начинает проецироваться на женщину. Любопытен диалог, который Аристофан приводит в «Экклесiazусах» между Блепиром и Хреметом. Причем следует подчеркнуть, что по замыслу автора они являются представителями так сказать, традиционного полисного мировоззрения.

Блепир: Опасно лишь одно моим ровесникам:

¹ Кимберийские оборки – т. е. длинные платья из прозрачной ткани, не стянутые поясом.

А вдруг кормилом завладевши города,
Они принудят нас насильно...
Хремет: Что еще?
Блепир: Их прижимать.
Хремет: А что, когда не в силах ты?
Блепир: Без завтрака оставит.
Хремет: Постарайся же,
Сумей, дружок, и прижимать, и завтракать.
Блепир: Ужасно! Через силу?

(Женщины в народном собрании, 465–471)

Примечательно, что если для Блепира супружеские отношения предстают как насильственные действия, которые страшат своей необходимостью даже перед угрозой голода, то Хремет уже воспринимает их как должное. Другими словами, вложив этот диалог в мужские уста, Аристофан подчеркивает роль данных отношений в общественной жизни, ибо мужчины, как мы помним, являются рупром общественной сферы отношений.

Ну и сам факт, что именно с помощью отказа от сексуальных отношений женщины надеются прекратить войну, тоже свидетельствует о многом.

Лисистрата: Должны мы воздержаться от мужчин. – увы!
(Лис., 125).

Миррина и Клеоника отвечают отказом.
Миррина: Я не согласна! Дальше пусть идет война!
(Лис., 130).

Лишь Лампито поддерживает Лисистрату, на что Лисистрата отвечает ей:

О милая! Одна из всех ты женщина!
(Лис., 146).

В этом пассаже скрывается очень глубокий смысл, поскольку впервые противоположность мужского и женского начала выражена не в физиологии, не в разделении социальных ролей, не в разделении публичных и частных сфер, а в гармонии мужчины и женщины.

Очевидно, что художественные образы женщин-патриоток, женщин-матерей, женщин-любовниц, женщин-насмешниц не могли появиться без наличия прототипов в реальной жизни, даже при условии авторского вымысла, ибо Аристофан – певец повседневности, и все его творчество ярко свидетельствует об этом. Для древних греков, а для поэтов в особенности, мир и человек в этом мире находятся в состоянии гармонии. Поэтому попытка подменить женский дискурс традиционным патриархальным дискурсом не совсем верна, ибо даже в этом качестве свидетельствует о кризисе стереотипов, когда проблемы публичной сферы, традиционно выражаемые мужчинами, оказываются во владении сферы женской, приватной [4, с. 294–310]. Кризис полиса, а следовательно, и кризис греческого сознания неслучайно столь ярко проявляется в отношении полов, так как традиционная патриархальная гендерная схема сложилась в рамках полисной системы, а ее кризис свидетельствует о появлении нового женского дискурса.

Таким образом, познавательная сущность еще многих источников остается открытой для современного исследователя. Будущее данных исследований отнюдь не за методологией, которая не может дать рецептов успешного исследования, а за расширением познавательных компетенций историка, стремящегося воссоздать реальность прошлых эпох.

Библиография

1. Брюле П. Повседневная жизнь греческих женщин в классическую эпоху. М., 2005.
2. Вжосек В. Культура и историческая истина. М., 2012.
3. Обидина Ю. С. И все-таки Адам и ... Ева: греческая женщина в свете современных гендерных подходов // Диалог со временем. 2014. № 47.
4. Обидина Ю. С. Идеал женской красоты в древнегреческой лирике // Материалы VIII научно-практической Интернет-конференции с международным участием «Гендерные исследования в гуманитарных науках». Йошкар-Ола, 2011.
5. Скворцов А. М. Любчанский И. Э. Комедии Аристофана о тенденции изменения положения женщины в Афинах конца V – начала IV в. до н. э. // Адам и Ева. № 14. М., 2007.
6. Соболевский С. И. Аристофан и его время. М., 1957.
7. Ярхо В. Н. Лисистрата. Примечания. С. 993 // Аристофан. Комедии. Фрагменты. Пер. А. Пиотровского. М.: Наука, 2000.

Y. S. Obidina

FEMALE CHARACTERS IN THE COMEDIES OF ARISTOPHANES: SOURCE MATERIALS PERSPECTIVE AND VISIONARY REALISM

The article deals with “female” Aristophanes in terms of the reconstruction of the real gender relations in ancient Greece at the end of the classical era. It is shown that the crisis of the polis system was connected, including a change of gender stereotypes and the emergence of new female discourse. It is concluded that cognitive competence historian largely proves “inexhaustibility” of the traditional historical sources.

Keywords: Aristophanes, gender, Greek woman, the ancient Greek comedy, historical sources.